

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра истории и теории литературы

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Зрелость как сюжет

**Тверь
2019**

УДК 821.161.6.09(082)
ББК Ш5(2+411.2)-34
З 89

Редакционная коллегия:
С.А. Васильева, А. М. Грачева,
С. В. Денисенко, А.Ю. Сорочан

Составитель:
А.Ю. Сорочан

Рецензенты:
А.Д. Степанов, Т.В. Царькова

З 89 Зрелость как сюжет: Статьи и материалы /

Ред. С.А. Васильева, А.М. Грачева, С.В. Денисенко,
А.Ю. Сорочан. — Тверь: ООО «Альфа Пресс», 2019. —
332 с., илл. (Время как сюжет; Вып. 8).

В издание включены статьи и сообщения, посвященные анализу сюжетного потенциала времени в литературе и искусстве. В центре внимания участников проекта — различные модели «зрелости», художественные формы воплощения индивидуального времени.

ISBN 978-5-98721-033-8

В оформлении книги использованы:
картина А. Пластова «Колхозный праздник» (1937)
и фото М.Ю. Батасовой

© Авторы статей, 2019

А.М. Грачёва

**Последняя литературная ученица Алексея
Ремизова (Н. Кодрянская на страницах
«Дневника мыслей») ¹**

Статья посвящена анализу взаимоотношений Ремизова с его последней литературной ученицей Натальей Кодрянской. Кратко проанализирована история литературной школы Ремизова 1920—1930-х годов. Дана характеристика работы Ремизова как редактора книги Кодрянской «Сказки». Рассмотрен образ Кодрянской на страницах «Дневника мыслей».

Ключевые слова: Алексей Ремизов, Наталья Кодрянская, книга «Сказки», «Дневник мыслей».

Со второй половины 1947 г. в «Дневнике мыслей» Алексея Ремизова на первый план выходит тема творчества. Последнее имело для литератора два вида: создание собственных произведений и работа с «человеческим материалом» — участие в рождении нового писателя — литератора, развивающего принципы ремизовской «теории русского лада».

Еще с 1910-х гг. Ремизов видел существенную сторону своей писательской миссии в «учительстве» — пестовании и «дрессировке» молодых литераторов. Подобное направление его деятельности продолжалось и в годы эмиграции, особенно явственно в начале и середине 1920-х гг. Об этом, в частности, вспоминала близкая знакомая Ремизова Н.В. Резникова: «Постепенно Ремизовы привыкли к Парижу. Круг знакомых расширился. Ремизов привлекал начинающих писателей. Он радовался, что в эмиграции начинает расти литература среди молодых, и охотно занимался с ними. Но в литературе он не мог быть снисходительным: он критиковал, учил и, главное, поправлял на свой лад их произведения: от автора мало что оставалось. Поэтому

¹ Статья подготовлена по гранту РФФИ № 19-012-00051а «А.М. Ремизов. Дневники 1951—1953. Расшифровка, текстология, комментарий».

большинство начинающих, боясь слишком большого влияния Ремизова и желая сохранить свое лицо, скоро отходили от А.М.»¹. О характере и трудностях литературного обучения у писателя вспоминал и критически относившийся к нему В.С. Яновский: «В конце двадцатых–в начале тридцатых годов Ремизов был кумиром молодежи в Париже. <...> Он учил нас обращать внимание не только на слова, но и на слоги или буквы, учитывая соотношение гласных и согласных, шипящих, избегая жутких русских причастий, вроде: кажущийся, чертыхающийся, являющийся и т.д., и т.д... <...> Популярность у молодежи льстила Ремизову; на этой карте он удачно обошел Бунина. Одно время за его воскресным чаем собиралось человек тридцать новых литераторов. Но продолжалось такое оживление не долго. Уход молодежи оставил еще одну язву в обиженном сердце».²

Среди причин «отхода» начинающих писателей от Ремизова как учителя литературного мастерства можно назвать несколько факторов.

Во-первых, характер эстетической позиции писателя. Она заключалась в пропаганде парадоксальной идеи — чтобы быть достойными продолжателями традиций русской словесности, надо повторить литературную ситуацию петровского времени и первой четверти XIX века — т.е. использовать уникальную возможность аккомодации в свое творчество новейших эстетических открытий западной литературы, в окружении которой оказались молодые русские эмигранты.

Во-вторых, сами методы ремизовского «обучения». Как наставник, он читал с пером в руке и жестко, сообразно с собственными эстетическими представлениями, правил «чужой текст», зачастую приобретающий в результате вид ремизовского «творчества по материалу». Целью «правки» было выведение произведения за рамки стандартизированного литературного языка, являвшегося, по мнению Ремизова, искусственно созданным. Такой язык писатель считал главным недостатком «пушкинской линии» разви-

¹ Резникова Н.В. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб., 2013. С. 125.

² Яновский В.С. Поля елисейские. СПб., МСМХСIII. С. 187, 190.

тия русской прозы. Уже с начала 1910-х годов он начал пропагандировать свою «теорию русского лада». Согласно ей в поисках основы художественного текста — «реального» русского языка следовало обращаться к всевозможным формам его сохранения — в древнерусских текстах, в словарях, и в живой речи разнообразных слоев современного русского общества, хотя и разорванного революцией на части.

В-третьих, отсутствие возможности оказывать протекцию в деле публикации творений литературных «учеников». Ремизов не был влиятельным членом редакций периодических изданий, и поэтому не был способен напрямую влиять на возможность издания произведений молодого писателя. Литератор мог лишь дать рекомендательный положительный отзыв, при этом надо учитывать тот факт, что он всегда был нелицеприятен в оценки опусов начинающих творцов.

К началу 1930-х гг. у Ремизова остались два «ученика» — В.В. Диксон (1900—1929) и И.А. Болдырев-Шкотт (1903—1933)¹, но их жизни трагически рано оборвались. В дальнейшем обстоятельства внешние, прежде всего, политические (война, немецкая оккупация), а также личные (тяжелое материальное положение, болезнь жены) повлекли за собой прекращение процесса его литературного учительства.

После окончания войны возобновилось и приобрело более глубокий характер знакомство Ремизова с Натальей Владимировной Кодрянской. Она родилась в 1901 г. в Бессарабии в семье генерала из дворянского рода Гернгросс, окончила Московский институт благородных девиц. В 1919 г. Кодрянская вместе с родителями эмигрировала в Швейцарию (Женева), затем жила во Франции (Париж). Молодая девушка была очень хороша собой и в 1920-е гг. снималась в кино. В дальнейшем она вышла замуж за ус-

¹ См. подробнее: *Грачева А.М.* Забытое имя русского Зарубежья □ Иван Болдырев-Шкотт (к истории парижской литературной школы Алексея Ремизова) // Эпические жанры в литературном процессе XVIII—XXI вв.: забытое и «второстепенное». Материалы международной научной конференции VII Майминские чтения. 5□9 октября 2011 года. Том II. Псков, 2011. С. 177—184.

пешного и состоятельного предпринимателя И.В. Кодрянского. В 1940-м г. их семья успела уехать в США (Нью-Йорк). В Америке Кодрянская при получении гражданства сменила имя на Natalie Codray. После войны Кодрянские жили и в США, и во Франции. В 1940-е гг. Кодрянская дружески сблизилась с Ремизовым, она и ее муж материально помогали старому литератору оплачивать квартиру и коммунальные платежи.

Но главное в истории возобновившихся контактов Ремизова с довоенной дальней знакомой было связано с тем, что Кодрянская начала писать сказки. И Ремизов увидел в ней не только даму-меценатку, но и свою последнюю «ученицу». Постепенно из ее сочинений стала формироваться книга, в итоге так и названная — «Сказки»¹.

Во время визитов Кодрянской Ремизов «учил» ее на конкретных примерах как надо отображать сказочные сюжеты. В период ее отсутствия он регулярно записывал свои мысли о творчестве, давал образцы из своих и чужих произведений и посылал ей тетради, озаглавленные «Как научиться писать»². Однако главным предметом литературной работы Ремизова с Кодрянской в 1947—1950 гг. стало его редактирование ее готовящейся книги «Сказки». Тексты Кодрянской были не только отредактированы, но зачастую почти полностью переписаны Ремизовым.

Как известно, одной из существенных составляющих интеллектуальной жизни Ремизова 1940—1950-х гг. был его «Дневник мыслей». Писатель вел его на страницах школьных «общих тетрадей». На левой (оборотной) стороне разворота тетрадного листа делались ежедневные краткие заметки о событиях, фиксировались данные о публикациях и полученных гонорах, приводились перечни лиц, посе-

¹ *Кодрянская Н.* Сказки. Предисл. А. Ремизова. Илл. Н. Гончаровой. Париж, 1950. 284 с.

² См.: *Ремизов А.М.*: 1) Как научиться писать. [I]. Вступ. заметка, публ. и комм. А.М. Грачевой / Сб.: Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.; Салерно, 2003. С. 263—291; 2) Как научиться писать (Ремесло). [II]. Вступ. заметка, публ. и комм. А.М. Грачевой // «Страна филологов»: Проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею Н.В. Корниенко. Сб. научных статей. М., 2014. С. 148—163.

тивших квартиру Ремизова в доме 7 на улице Буало. Правая же сторона была посвящена записям ночных сновидений, помеченных датировкой, указывавшей в ночь с какого числа на какое они пригрезились визионеру («1—2. V»; «26—27. VII»; «7—8. XI» etc.).

Наталья Кодрянская неоднократно поминаема на дневных страницах «Дневника мыслей». Во время ее приездов в Париж Ремизов тщательно, но лапидарно фиксировал даты посещения Кодрянской его квартиры, записывал получаемые от нее денежные суммы, а во время ее пребывания в США — даты получаемых от нее писем.

Труды Ремизова над книгой сказок Кодрянской нашли значимое отражение, главным образом, на «ночных» страницах дневника, в образах его сно-форм.

Примечательно, что «литературная внучка» Ремизова стремилась скрыть факт его активного участия в своем творческом процессе, и это нашло отражение в образах сно-форм:

Сон с 27 на 28 марта 1947 г.:¹

«Кодрянская похудевшая: «Я больше с вами не могу писать.

Сон с 5 на 6 октября 1947 г.:

«... Вижу «Египтянка» (приблудная у Ковалевской, крестил ее дочь). И думаю, сейчас придет Кодрянская: буду проверять сказки».

Сон с 19 на 20 октября 1947 г.:

«Все повторял заключение сказки, боялся забыть. Сейчас попытаю, может и забыл».

Сон с 6 на 7 июня 1948 г.:

«Просматриваю мои записи из писем к С.П., и нет им конца: целая книга выходит. И подклеиваю, разрывая одну из моих пестрых «конструкций». Появляется Кодрянская. «Сейчас, □ говорю, — возьмусь за ваши сказки». А их гора — и конца не видно».

Сон с 19 на 20 июля 1948 г.:

«Пробегают Кодрянская в черном. Недовольна: «Я не исполнил». — «Но ведь я переписал», — думаю. Но сказать не могу. Убегает».

Сон с 4 на 5 января 1949 г.:

«Все время разговариваю с Кодрянской, убеждаю ее заняться книгой — издать, наконец».

¹ Здесь и далее тексты «Дневника мыслей» цитируются по авторграфам: РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 31—41.

Согласно устному свидетельству вдовы В.С. Варшавского — Татьяны Григорьевны, ее супруг и В.С. Яновский тоже занимались редактированием сказок Кодрянской. Вероятно, это делалось и «после Ремизова», чтобы убрать из текстов его ярко выраженную писательскую манеру, вернуть сказки к традиционному нейтральному стилю, отвергаемому парижским «учителем». Очевидно, писатель был осведомлен о дальнейшей правке переработанных, а, зачастую, просто переписанных им текстов и негативно относился к подобному повторному «исправлению» произведений своей «ученицы». В тандеме «соредакторов» Ремизова главная роль, скорее всего, принадлежала Варшавскому. Мемуарное свидетельство Т.Г. Варшавской о деятельном участии ее супруга в «доработке» сказок подтверждается «Дневником мыслей». В целом ряде сно-форм Кодрянская появляется вместе с Варшавским:

Сон с 23 на 24 ноября 1947 г.:

«В подъезде библиотеки Мазарини. Кодрянская и Варшавский. Очень светло и нарядно. Но я никак не могу попасть.

И во втором сне опять Кодрянская. Я объяснял ей сказки».

Сон с 2 на 3 апреля 1947 г.:

«К окну, но с проходом стола. У стола на столике телефон. Мы пришли к Кодряным <...> Кодр<янская> лежит на диване навзничь. К дивану подойти можно только со стены. <...> Кодрянская позвала, и я вижу Варш<авского>, он вышел из-за дивана. На плече у него полотенце. И к столу, и вынул какие-то тюбики — это не то крем, белая мазь. И прошел к Кодрян<ской> за диван. (Около дивана с этой стороны какие-то тряпки на табуретке). И я взглянул: Кодрян<ская> лежит в платье, но ноги не покрыты. И думаю: «Как же это так Варшавск<ий>» — неловко?»

Сон с 20 на 21 мая 1947 г.:

«Варшавск<ий> лежит в головах. Кодрянская. Я спрашиваю Варшавск<ого> («допрашиваю»), ему очень тяжело, он отвечает через силу».

Сон с 29 на 30 октября 1948 г.:

«... Вижу, бежит Кодрянская и с ней черненькая (если это Прегель С.Ю., то очень похудевшая). А за ними Варшавский».

Аспект получения материального вознаграждения за выполненный труд, несомненно, присутствовал в мотивации работы Ремизова над текстами «литературной внучки». Однако не это являлось для него главным. Сказки Кодрян-

ской, печатавшиеся и получавшие положительные отзывы критики, становились для писателя (редактора, друга, учителя) как бы итоговым представленным читателю «реальным доказательством» верности избранного им литературного пути. Они подтверждали эстетическую правоту его «теории русского лада» — т.е. создания художественного текста на основе живого народного языка, сохранившегося в современной разговорной речи, в древнерусских памятниках деловой письменности, а также в записях фольклористов, в словарях диалектов и говоров.

В 1950 г. редакторские труды Ремизова над «Сказками» Н.В. Кодрянской завершились публикацией книги. Для писателя выход этого издания был лично важным событием, которое знаменовало торжество ремизовской «литературной школы», и после Второй мировой войны продолжившей свое существование в лице его «ученицы». Ремизов вложил в произведения Кодрянской немало своих сил и таланта. Зачастую он почти полностью переписывал исходные тексты, занимаясь, используя ремизовский термин, «творчеством по материалу». Окончание редактирования рукописи «Сказок» означало также освобождение от кропотливого труда «литературного негра», работы, фактически отнимавшей у пожилого писателя много времени. Впоследствии друг и литературный секретарь писателя Н.В. Резникова так отозвалась об этом редактировании, а вернее, сотворчестве Ремизова, крайне нелицеприятно охарактеризовав и «литературную внучку» писателя, и ее мужа (И.В. Кодрянского): «А<лексей> М<ихайлович> попал в настоящее рабство — работал, трудился, писал, переписывал, портил глаза, утомлялся — ведь какой это был труд!... и что получал, от богатеев? *Скромный терм, электрические и газовые счета.* Это все, даже денег на еду и расходы не давали. На издание «Оплешика» никогда ни копейки. <...> А<лексей> М<ихайлович> <...> пожертвовал своими намеченными книгами — Достоевский до каторги — Шестидесятники (Чернышевский, Добролюбов, Белинский) и воспоминания<ми> о русских революционерах, кот<орых> он знал в молодости. — Отдавая все теплое время — всю зиму болел, а весной начинал оживать — работе для Кодрянской — истощил свои силы, и, идя наперекор себе, просто ускорил конец свой — так и не написал

задуманное. О чем любящие литературу Ремизова пожалеют (и, главное, от бедности Ремизова они вовсе не спасали — только помогали существовать)»¹. Но, как бы то ни было, в 1950-м году Ремизов искренне радовался выходу книги, в которой небезосновательно видел публикацию еще одного *своего* детища, созданного питомицей его «школы». Об этом свидетельствуют его эмоциональные записи от 12 октября 1950 г. на дневной стороне Дневника:

«Я счастлив, дождался. / Вечер. Кодрянские привезли книгу, вышла книга Натали Кодрянской, «Сказки.

«Событие в литературе. / Кодрянскую я называю: / За-летная на землю / волшебная».

Искренняя радость Ремизова по поводу выхода своего детища была омрачена, когда он четко понял, что Кодрянская поставила четкую границу между ним — исполнителем — *редактором* и ею самой — *автором* новой книги. На ночной стороне «Дневника мыслей» появилась не свойственная страницам этой части текста запись прямой авторской речи, запись, выбивающаяся из характерных для ночи фиксаций фантастических сюжетов сновидений.

Запись в ночь с 15 на 16 октября 1950 г.:

«Сон под пробудкой. Память непроницаемая. Две вещи прихлопнули — мысль продолжалась и во сне. / <...>«Телячий восторг», который до добра не доводит. Не мог удержаться, мне хотелось, чтобы сказки Кодрянской были у всех, мысленно я посулил книгу всем, кто бывает здесь, и не удержался, посулил книгу Верховой <Е.Д. Унбегаун — А.Г.>. Она была изумлена: такое внимание. «Надо за это что-то сделать? — сказала она, — такая дорогая книга!» Она никак не ожидала. / А выяснилось, что книги у меня нет, и дарить ее автор не собирается. / Как поправить мою оплошность?»

Написанные после окончания работы над книгой многочисленные, восхваляющие книгу Кодрянской послания Ремизова его знакомым из мира литературы свидетельствуют о том, что в итоге писатель отодвинул в сторону личную обиду ради утверждения жизнеспособности своей литературной школы, после войны полномасштабно представленной в лице лишь одной «ученицы». Характерно, что

¹ *Резникова Н.В.* Письмо Б.Б. и А.В. Сосинским. 18 марта 1974 г. // *ГЛМ.* Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 615. Л. 1.

в ремизовских сно-формах того времени, посвященных тревогам о судьбе людей искусства на его Родине, думы литератора о репрессиях в СССР сплетались в фантастической форме с мыслями о своих умерших и живых «учениках».

Сон с 18 на 19 августа 1951 г.:

«В.В. Диксон <умерший литературный «ученик» Ремизова — А.Г.> в тюрьме, я вошел в его камеру. Он встретил меня радостно. Сидела в тюрьме и Н<аталья> В<ладимировна>: она говорит об этом с ужасом, и я думаю за нее со страхом».

В дальнейшем Ремизов избрал Кодрянскую как титульного автора создаваемой им книге о самом себе, озаглавленной «Лицо писателя». Последовавшая в 1957 г. смерть не позволила литератору полномасштабно осуществить свой замысел.

Писатель Б.Г. Пантелеймонов, в 1940-е гг. также испытывавший на себе «учительскую» методу Ремизова, писал: «Ремизов не для «легкого чтения». <...> Надо его читать по кусочкам и обязательно перечитывать. Это совсем не развлечение, а работа. Некоторым она и не по зубам, его обвиняют в «словесных причудах», хитрословии, «утомительности филигранной работы языка», в насилии на принятый синтаксисом. Любителей легкого чтения раздражает загадочность мысли Ремизова, она не дается прямо в руки. Зато его последователи — все пламенные, для них Ремизов — Учитель и апостол».¹

Верной и пламенной «ученицей» была и Н. Кодрянская. Она, как могла, завершила их общий план, издав за свой счет и под своим именем (как и было спланировано ее «учителем») книгу под названием «Алексей Ремизов»², до настоящего времени остающуюся одним из основных источников сведений о жизни и творчестве литератора. Ее дальнейшая деятельность была посвящена публикации книги ценнейших писем Ремизова к ней³, попыткам ис-

¹ *Пантелеймонов Б.* Встречи со старыми писателями (Бунин, Ремизов, Тэффи, Шмелев, Зайцев) // *Пантелеймонов Б.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Омск, 2014. С. 125.

² *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959]. 339 с.

³ *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. 416 с.

полнения его завещания — возвращения на Родину его архива, а также безвозмездной передаче в российские архивы хранившихся у нее рукописей и рисунков писателя. Кодрянская скончалась в 1983 г., так и не реализовав свой последний проект — публикацию богато иллюстрированной книги о творчестве Ремизова-графика. Однако все сделанное ею свидетельствует о том, что преданная «ученица» в меру своих способностей стремилась исполнить заветы своего литературного «учителя» и сохранить его творческое наследие.

A. M. Gracheva

***The latest literary student of Alexei Remizov
(N. Kodrjanskaja in the pages of «Diary of thoughts»)***

The article is devoted to analysis of relations Remizov with his latest literary student Natalia Kodrjanskaja (Natalie Codray). The history of the literary school of Remizov of 1920—1930 is briefly analyzed. The characteristic of the work of Remizov as the book's editor «Tales» by Kodrjanskaja. Considered Kodrjanskaja portret on the pages of the «Diary of thoughts».

Keywords: Alexei Remizov, Natalia Kodrjanskaja (Natalie Codray), the book collection «Tales», «Diary of thoughts».

ОБ АВТОРЕ:

ГРАЧЕВА Алла Михайловна — доктор филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, заведующая Отделом новейшей русской литературы.